

Лауреаты и дипломанты 3 всероссийского фестиваля современной поэзии в Ярославле
«ПОЭЗИЯ. ПОЛДЕНЬ. XXI ВЕК»

Александр Страшинский (г. Ярославль)

УТРО

1

Лето длилось и длилось. Мы долго бродили,
За скользящими вдаль облаками следили,
В этом мире одни, среди тихих полей
И широких озёр, и пушистых шмелей.

Ты всё время учила: «Зачем суетиться?
Делай дело как звери, как звери и птицы!» –
И всё вились вьюнки, и летел самолёт,
И ты ясно глядела лимоннице вслед.

Я смотрел, как ты дремлешь, но ты просыпалась,
Снова к солнцу тянулась – с травой, – улыбалась
И не знаю куда уводила меня
Ярким лугом по краю июльского дня...

И казалась, с сияющим взглядом и чёлкой,
Много лет по соседству живущей девчонкой,
Кем я с детства подолгу люблюсь тайком,
И меня восхищение ловит сачком.

Ты и раньше, наверное, шла, и я следом...
Кем я был тебе – братом, любимым, соседом –
Так давно, в осиянные тайной года,
За пределами памяти? Кем и когда?

2

Озеро. Вот я и здесь.
Щебет, осока, прохлада.
Редкая рябь – всё, что есть,
Редкая рябь – всё, что надо...

Вот и на спящем лугу.
Вдаль убегает дорога.
Вдаль... Переходит в строку...
Стихла – ни слова, ни слога.

Стрёкот, ромашки, покой.
Сроки, расчёты – пустое.
Мысль, проблеснув стрекозой,
Тонет в пестрейшем просторе.

Бродишь – ни планов, ни дел.
Стадо поодаль пасётся.
К небу возносится день,
Светит бездонное солнце.

3

Крутя педали, вспоминаю,
Как ты неслась, и следом я...
Я отстаю и догоняю,
Но всё равно ты не моя.

И катятся велосипеды,
И еду за тобой в закат,
С висков стекает пот, но еду
Быстрее, никогда назад!

Дорога на меня несётся,
Гудки, грузовики вокруг –
Но волосы в оправе солнца,
Но смуглые изгибы рук!

И сколько мне ещё осталось
До робкого объятья, до...
Всё катится – и боль, и радость –
В лучащееся навсегда.

4

Здесь я теперь согреваюсь порой у костра,
Здесь мы когда-то сидели вдвоём до утра,
Здесь ты когда-то просила прощенья, прощаясь:
«Всё завершается, так что давай посидим.
Мы расстаёмся, и ты остаёшься один,
Так обвыкайся на свете, умнея и маясь!»

Слишком легко, хорошо наши дни пронеслись!
С пеплом во мрак пролетает последняя мысль,
Взгляд в этом мраке, в печали теряется, тонет...
Мы расстаёмся, чтоб встретиться в жизни иной!
Что если там ты решишься остаться со мной,
Выпустишь бабочку чувства из тонких ладоней?

5

Итак, прошло пять лет. Всего так много было:
Знакомства, поезда, московский институт!
Но осень подошла, и мысль меня сманила
Как раньше, за город, где яблони растут.

И здесь, в моём саду, спокойно и росисто,
И небо высоко, и мысли высоки,

Тянусь за яблоком, за солнцем, в эти листья,
И сладкие мечты срываются с руки.

О чём ещё грущу у белого налива?
О ком задумался, наткнувшись на смолу?..
Рука по дереву скользит неторопливо,
И предвкушение восходит по стволу.

И представляется, что ты, как раньше, рядом,
И в мире времени и расстояний нет,
С тобой здороваюсь, пересекаюсь взглядом...
И только яблоко сияет на просвет.

6

Так и снится, бывает: на солнце трава маслянится,
И сверкает река, и леса голубеют за ней,
И, щеки ненароком касаясь, порхает ресница,
И сияет, сияет трава наших радостных дней.

Только там, в этих снах, ты решилась назвать меня милым,
Я с любовью касаюсь губами стыдливой спины.
Наслаждаюсь блаженным, к утру умирающим, миром,
Я расстался с тобой, и на мне не осталось вины.

...И меняются кадры: ты шуришься, вишню срывая.
Просыпаюсь и медлю, истому стараюсь продлить,
Но врывается в комнату ветер, окно раскрывая,
Всё проходит, и всполохов сна воедино не слить.

И иду за трудом, за куском немудрёного хлеба.
День и светел, и долог, светлее и дольше – тоска.
Перекинемся словом с соседом, и гляну, как водится, в небо:
Бессловесно на взгляд откликаюсь, летят облака.

Ирина Шабалина (г. Ярославль)

***

Растеряв покой, разменяв свободу,
Душный день наизнанку вывернув,
Я нырнула в сон как в хмельную воду –
Наугад, без надежды вынырнуть.

Обними меня, голубая бездна,
Убаюкай так, как никто не смог.
Золотым кольцом в глубине исчезну,
Растворюсь в тебе, нежный мой поток.

Мы с тобой на «ты», мы с тобой едины –
Защитить, окутать, поддержать готов.

Сколько тайн хранят для меня глубины:
Позабывших писем, драгоценных слов,

Разноцветных снов, колыбельных песен,
Ледяных медуз и прозрачных рыб.
Как родник на дне, каждый сон чудесен,
Совершенен, как плавника изгиб.

В этой гулкой тьме, в тишине столетий,
Где сокрыт глубин голубой сапфир,
Есть покой. Один для всего на свете...
Вот и всё – пора возвращаться в мир.

ПЕСНЯ ДУДУКА

Не было времени встретить с дороги гостей.
Солнце тенями в стене прорубало ступени.
Смерть – это ветер, срывающий мясо с костей,
Семь сердоликовых тайн завершили круженье.

Радость от встречи была как свобода горька,
Порвана цепь, но ещё не утрачены звенья.
Пенье дудука с собой уносила река...
Смерть – это искренний танец за миг до паденья.

Не было пролито слёз и ни капли вина,
Смерть – это то, что однажды случилось со всеми.
Солнце по скалам отвесным спустилось до дна.
Смерть – это дар на ладони, раскрытой на время,

Смерть – это самый суровый и преданный друг,
Радостно ждущий домой твоего возвращенья.
Жизнь продолжается и не смолкает дудук,
Эхом разносится песня его над ущельем...

Галина Ульшина (г. Батайск Ростовской обл.)

НАД МОРЕМ ДЕВОЧКА ЛЕТИТ

Над морем девочка летит...
Над морем Девочка летит! – как птица...
Раскинув руки над водой,
над тёмной, скользкой глубиной –
стремится
туда, где керченский рассвет
пытался застегнуть браслет руке пролива,
Пантикапейский ветер пел,
никто не ощущал предел
и был счастливым...
Туда,
где облачный закат

гору окрасил Митридат –
мелькают лица...
Туда, вперед, за далью-даль,
где утолимая печаль –
не утолится...
Голубоглазая сестра
уже сказала: «Мне пора!» –
она прощалась...
И взмахи белых рук подруг,
и одиночества испуг –
вдали смешалось...
Над морем Девочка летит, над морем!
Над счастьем ли она летит?..
Над горем?..
Уже грядущий юбилей
сжимает радиус нулей –
как закругляет,
но тем дороже каждый миг
и каждый вздох, и каждый стих,
что окрыляет,
и стержни прошлых, светлых вех
дают надежду на успех
и, словно в сказке,
мы попытаемся взлететь,
увидеть высь, чтоб захотеть
остаться:
над счастьем Девочкой лететь,
над горем –
лететь...
лететь–лететь, лететь
над мо-о-о-ре-ем!!!

ПЕРЕЛЁТНЫЕ ИНДЕЙЦЫ

Весною возвращаются индейцы –
поют весну под шёпот маракас,
пока неповоротливый троллейбус
считает такты мелодийных фраз.
Средь площади ростовской привокзальной
в лазурном оперенье – паренёк,
индейский экзотический красавец,
и звонкие товарищи при нём.
Многоголосый хор их сладкозвучен,
и дети тянут руки матерей
к мирку, который кажется им лучшим,
и жаждут удивления скорей.

На флейтах укрупнённого калибра,
для русских, торопливых и глухих ,
нам пели перелётные колибри
и перья родины в России грели их.
Они не продавали нам билеты,

мы – кланялись за всякий сувенир,
и кто-то шерстью ламы стал согретым,
а кто-то понял, как огромен мир.
Но дело не в товарах на асфальте,
не в пончо, не в сомбреро братьев Че –
индейцы пели без оттенка фальши,
как вопленица на родном плече.

...К сосредоточью мирового плача,
далёкого от мелочных обид,
тянулись постигавшие задачу
терпеть, молиться, верить и любить.

Олег Гонозов (г. Ярославль)

ПЕРВЫЙ «Б»

На старом пожелтевшем школьном фото
наш первый «б» за партами сидит.
Мне вспомнить всех по имени охота,
но память, как нарочно, тормозит.

Фотограф – дядька-инвалид – старался,
чтоб было видно всех до одного,
и за портфели наши запинался
скрипучей деревянной ногой.

Заботливая мама написала
на обороте снимка имена
мальчишек и девчонок тех, что знала,
не всех, а что запомнила она.

Мой первый «б» мне стал ночами сниться,
как будто я живу в чужом краю.
И вот оттуда вглядываюсь в лица –
и никого уже не узнаю.

***

Я к реке выходил – и пугался
непривычно холодной воды...
А на том берегу открывался
чудный вид – золотые кресты!

И оттуда, как будто из рая,
по реке плыл малиновый звон.
Купола, в бликах солнца играя,
превращали мир в сказочный сон.

Мне хотелось идти и молиться
в храме том до последнего дня...

Только Волги холодной водица
никуда не пускала меня.

В БИБЛИОТЕКЕ

В библиотеке свечи и камин,
как настоящий, только из картона.
Над ним рисунок: журавлиный клин
летит, деревьев задевая кроны.

Звучат стихи надрывно в тишине –
нам их поэт непризнанный читает.
И кажется, с портрета на стене
его Некрасов сам благословляет.

А мы молчим, забыв, что есть слова
другие, а не те, что у поэта.
И кружится под вечер голова,
и не хватает воздуха и света.

Мария Никифорова (г. Ярославль)

***

Собачьи следы на песке,
и жёлтое небо над морем,
и мы всё о чём-то там спорим,
и чайки кричат вдалеке.

А девочка рядом стоит:
зашедшая в воду по пояс,
неясно о чём беспокоясь,
на солнце, прищурясь, глядит.

И я вспоминаю мультфильм:
как девочка ждёт не дожждётся,
но к ней никогда не вернётся
попавшийся в сети дельфин...

К чему наш беспомощный спор
и всякое счастье и горе,
когда на неё, точно море,
отчаянье смотрит в упор?

***

Я стояла весной на протоке,
где сплетаются косы воды,
как мои перекрёстные строки,
наполняя затоны, пруды.

Затопляя заливы и склоны,
прошлогодних бурьянов вихры.
Я всегда отношусь благосклонно
к сиротливости этой поры.

Под ботинками почва просела,
просочилась в них тихо вода.
Я промокнуть совсем не хотела
и могла бы уйти без труда.

Но, захвачена этой стихией
и совсем не владея собой,
всё стояла, твердила стихи я,
непонятные даже самой.

Не своя, а – чужого простора
возвращалась под вечер домой
и смотрела, уже с косогора,
как вода шла вдогонку за мной.

***

Ну, а помнишь тот дом под густой и высокой берёзой?
Он тебя так настойчиво ждёт и скучает давно.
Его тёмные окна наполнены сумрачной грёзой.
Неужели дожидаться тебя ему не суждено?

Там, у шаткой колонки, поставлю я старенький велик,
буду в окна смотреть сквозь густой и запущенный сад.
И мне вспомнится, как половицы негромко скрипели,
вспомню твой простодушный, наполненный мудростью взгляд.

Там в разлитом свете дремлет старенький письменный столик.
Ляжет света квадрат на давно уж не крашенный пол.
Ты из кухоньки сумрачной выглянешь, сдержанный стоик,
Одинокий аскет. Где же твой золотой ореол?

Я на пыльную клавишу вдруг надавлю ненароком,
и печатной машинки согнётся железный сустав.
Гулко звякнет металл, и пронизет внезапно, как током,
прозвенит колокольчик, кого-то тихонько позвав.

Нынче дом опустел и под осень стал чуть угловатым.
Налетает листва, осыпает всю местность кругом.
Только гуси проточные тихо над домом звенят и
только солнце последним лучом забирается в дом.

Борис Скотневский (г. Тольятти)

***

Прогуляюсь по тихому скверу,
Погляжу на осенний уют.
Так похоже на высшую меру –
Жизнь кончается, листья поют.

Посажу на облезлой скамейке,
Той, с которой вся вечность видна.
Моей жизни цена – три копейки,
Моей смерти иная цена.

Проползла, пронеслась, пролетела,
Зацепила случайно крылом.
Что ж, прощай! И какое мне дело,
Что растаешь за первым углом.

Все, что смог, что не смог – это свыше.
Все извивы твои хороши, –
Звезды видел и музыку слышал,
И любил до разрыва души.

Будет небо бледнее и ярче,
Станет чисто и больно душе...
Так чего тебе надобно, старче, –
Ничего,
                    слава богу,
                                    уже.

Кружат листья, усталые листья,
Под ногами то шелест, то хруст.
Ах, как много бессмысленных истин –
Ах, как мало осмысленных чувств.

Раствориться б в земной круговерти.
Ухватить первобытную нить.
И не думать о жизни, о смерти –
Просто помнить
                                    и только любить.

***

Я по Волге уплыл, а по Лете
Неизвестно когда ещё плыть.
Не любите меня, не жалеите, –
Я умею жалеть и любить.

Так-то вот. Я опять не в обиде, –
Всё в родимой развеялось мгле.
Не жалеите меня, не любите, –
Мне и так хорошо на земле.

Убывают деньки, убывают,
Всё быстрее пропадая вдали.

Но такие минуты бывают, –
Хочешь – пой, хочешь – просто скули.

И, казалось бы, что там осталось, –
Скоро ветры завоюют к зиме,
Но опять эта вечная жалость
Ко всему, что живёт на земле.

Всё быстрее, быстрее, быстрее –
До весёлого свиста в душе.
Всё острее, острее, острее
Я люблю.

И не поздно уже.

***

Любови Бессоновой

В этом мраке осеннем
Так светло на душе,
Так не больно летать,
Так дышать не обидно.
И сияет оно –
Не понять на каком этаже,
Потому что других
Совершенно окошек не видно.

В этом мраке осеннем
Так много дождя и любви,
Что душа понимать начинает,
Что время – живое.
И деревья поют
листопадные песни свои,
И сияет окно, как светило ночное.

Евгений Каминский (г. Санкт-Петербург)

***

1

Пустая колокольня без прикрас,
ледок забвенья, путь, где путник редок...
И вдруг увидишь мир как в первый раз,
задышишь так, как будто напоследок.

В такую глушь приходят всё забыть,
чтобы не жить бессильно на изломе
меж болью ненавидеть и любить –
быть, просто быть, отбросив всё, что кроме.

Бесстрастное безвременье глуши.

Здесь, быть собой тебе позволив снова,
остатки слов уходят из души,
чтобы в душе осталось только Слово.

2

Молчат нагие мумии деревьев,
и с высотой не справится рассудку...
И сердце, перед небом обмерев,
во мгле немеет радостно и жутко.

Лишь слово, не сдаваясь падежу,
тая в себе игры опасной смугу,
опять толкает душу к мятежу,
всё ждущую чего-то почему-то.

Чего ещё, скажи на милость, ждать,
ведь всё уже, что здесь от жизни взято,
по Гамбургскому счёту – благодать,
когда в себя заглянешь не предвзято.

Когда тобой зачислены в актив
хруст снега и капустный хруст под водку,
когда живёшь, от жизни отхватив
такой кусище, что не лезет в плотку.

Что попусту печалиться?! Просты,
как белый свет, все формулы, покуда
ты тьмою не изъят из красоты
и сам, хотя б отчасти, – свет и чудо.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Они не знают, что они цветы.
Раскинув руки, запрокинув лица,
они – без чувств... Лишь чувство высоты
им бьет в виски, по жилам их струится.

И так всю жизнь: то ветер гнет, то вдруг
так хлынет, что ослепнешь поневоле...
Над полем встав, цветы не видят поле,
но только неба яркий полукруг.

Что, легким, им до тяжести земли?!
Им кажется, что кроме них на свете
есть только птицы, бабочки, шмели...
Что жизнь – полет, а мир – простор и ветер.

И вот они отсюда второпях
спешат куда-то с бабочками вместе,
не ведая о глине и корнях,
не зная, что всю жизнь стоят на месте.

Перед грядущим им не ведом страх.
Им капля влаги – зеркало кривое,
в котором солнце, встав над головою,
во имя их сгорает в небесах.

***

Такую трель вдруг выдаст соловей,
что в трепете хватаешься за сердце.
В свистульке этой сахарных кровей
откуда столько силы страстотерпца?

Но коль пошли волшебные слова,
забудешь все, у таинства во власти.
О, тающий во рту, как пахлава,
витийства дар — близнец постыдной страсти.

Что, впрочем, эта славит здесь сопля?
Глухой овраг, картофельное поле...
Но, знаешь, для Калуги это “ля”,
что для Парижа память о де Голле.

Но для Торжка и пензенской глуши
оно ценней и яшмы, и агата,
поскольку это — музыка души
с Луны сюда свалившихся когда-то.

Тот, кто не падал, с виду здоровей
и правильной. Но в пятый день творенья
был все-таки придуман соловей
для тех, кто выбрал в вечность направленье.

Тех, плачущих у времени в плену
и рвущихся в тенистую аллею,
откуда вновь несет их на Луну
трель соловья бессмыслицей своею.

Владимир Токмаков (г. Барнаул)

НА НОВОМИХАЙЛОВСКОМ

В период кризиса и упадка
Я поехал на кладбище
Поправить на могиле матери оградку.

Мне никто больше не звонил, не звал в гости,
И я решил провести выходной
На материнском погосте.

Я встретил там странного человека,

Да не человек он был,
А обрубок, калека.

Он катился на самодельной коляске
С улыбкой до ушей,
Он был специалист по «палёнке»,
Собиратель блох и вшей.

Он подъехал ко мне вплотную
И протянул пластиковый стаканчик: «Пей до дна...»
Я не сказал ему – к чёрту! «Иди ты на...»

Я посмотрел на серое небо,
Зачерпнул с могилы горсть земли,
Выпил, занюхал землицей и подумал:
«Господи, почему мы хотели, но ничего не смогли?!»

А калека взял у меня пластиковый стаканчик
И указал на горизонт:
«Пошли, если хочешь, там теперь истина
И тёплый фронт...»

Я стал на колени вровень с его высотой,
И захлебнулся от ужаса, увидев
Какой наш мир маленький, а его – большой!..

...Я поправил оградку, разгрёб мусор,
Опять посмотрел на небеса –
Там по облакам катился весёлый калека,
А по моим щекам текла божья роса...

Алексей Бутусов (г. Ярославль)

***

Надо же! Ромашки в ноябре.
Целый луг – и солнце. Просто диво.
Я застыл, как муха в янтаре:
Радостно, и странно, и красиво.

Может, что с планетою не так?
Небо ярким светом так и слепит...
Хаос и погодный кавардак
Вылились в такое благолепье.

На душе – ни мрака, ни тревог.
Всюду жизнь! Цветущее сиянье,
И уже не страшно ничего
На огромной солнечной поляне.

Хорошо, пусть даже на бегу,

Отодвинуть срочных дел лавину,
Очутиться на таком лугу,
Жизни путь пройдя наполовину.

***

Снова соседи в осенней деревне
Жгут по утрам в огородах костры,
Пилят сухие кусты и деревья,
Чистят усердно сады и дворы.

В сумраке утреннем холодом веет,
В бочке сегодня застыла вода:
Мерзлые листья во льду розовеют,
Яблоко даже попало туда.

Дымно и людно. И хочется скрыться,
Спрятаться где-нибудь на чердаке,
Там, где старинное кресло пылится,
Там, где игрушки лежат в сундуке.

Вот мой потрёпанный ослик потешный –
Брал его в детстве с собой на батут.
Надо же: вещи и здесь безутешно
Напоминают, что годы идут.

И, ускоряясь в тумане белёсом,
Время бежит, раздувая ветра.
Годы летят на гигантских колёсах,
Жгут их соседи на рыжих кострах.

Наталья Бородкина (г. Ялуторовск Тюменской обл.)

ПОЭТ И МИР

Наивно изливая душу,
поэт бледнеет над строкой.
Он в мир пришёл, чтоб чутко слушать
и видеть – крест его такой.

Но грубый мир, слепой и душный,
летающий в бездну впопыхах,
глядит, немой и равнодушный,
и знать не хочет о стихах.

МНЕ ПРИСНИЛИСЬ СТИХИ

Мне приснились стихи – чуть с наклоном прилежные строчки.
Их писала чужая, в манжете из кружев, рука:
Перстень с камнем лиловым, мизинец изогнут слегка
и прозрачная ткань удивительно белой сорочки.

Кто же это писал? Суждено ли узнать мне ответ?
Как сухая пустыня впитала я каждое слово,
повторяя, как мантру, стихи эти снова и снова.
А проснусь, как понять – они будут мои или нет?

Нина Веселова (Костромская обл.)

***

Чтобы Слово зазвучало,
Автор должен умереть.
Жизни истинной начало –
Смерть.

И не думает о славе
Тот, кто призван как поэт:
Для него в её отраве
Смысла нет.

К вечности опасным бродом
Он идёт всегда один –
Побиваемый народом
Господин.

***

Не верь чужим словам.
Произнеси своё.
И пусть оно задержит ту минуту,
Когда зарёю ранней окоём
Под небом закраснеется прогнутым.

Такого мига не было ещё,
И никогда такой не повторится.
Укрыта старым сереньким плащом,
Рассветно зашевелится станица.
Потянутся колодцы-журавли,
Готовясь клювы погрузить в прохладу...
Ты тихим звукам трепетно внемли
И всё запоминай, поскольку – надо!

Впервые на луга падёт роса
И бликами взиграет под ногами.
И деловито старая оса
Направится гудеть над берегами,
Разыскивая в юбочках цветов
Запасы благодатного нектара.

Не оставляя в небесах следов,
Промчатся молча облаков отары.

И брызнут долгожданные лучи,
Подхваченные хором птичьих трелей...

Останови дыхание и молчи.
Когда-то до тебя вот так смотрели
В лицо рассвета предки. И слова
Пытались тоже находить тревожно.
И счастливо кружилась голова
В сознании, что всё для них возможно...

Так каждый день нам подтверждает снова:
Нужно для продолженья жизни Слово!
И если Слово истинно своё,
Осветится зарёю окоём.

Галина Сергеева (г. Котлас Архангельской обл.)

***

Скоро щедрое солнце завесу дождя приоткроет
И волшебным сиянием вновь озарит этот мир.
Вмиг наполнится страстью обычное слово простое,
И душа позовёт на ликующий жизненный пир.

Я готова сполна ощутить задремавшие силы
И открыть горизонт для нечаянных дружеских встреч,
А прилив вдохновенья не будет мне стоить усилий:
Вопреки холодам, посчастливилось чувства сберечь.

Опьяняющий запах весеннего талого снега
Одурманит слегка и приблизит опять синеву,
И знакомые вербы в комочках пушистых побегов
По-иному посмотрят – и я этот мир обниму.

Лариса Желенис (г. Ярославль)

КЛЕВЕРНЫЙ КРАЙ

Где же ты, мой забрызганный росами
детства краешек – клеверный край,
где воюют дожди с сенокосами,
а в июле – малиновый рай,
где босыми ногами изведена
каменистых тропинок боль,
где явилась, откуда – неведомо,
к тишине и раздолью любовь...
Вижу клевером шёлковым вышитый
медоносных лугов лоскуток,
поднимаешь всё выше и выше ты

над землёй золотой колосок,
раскачай мне качели, и с песнею
снова я полечу без труда
далеко, над лесами чудесными
в эти солнечные года!

***

Я опять хочу родиться,
повторяясь вновь и вновь
ветром, облаком, синицей –
научи меня, любовь!
Снова с миром звонким слиться
в соловьиных голосах,
и дышать, как дышат птицы –
раствориться в небесах!..

Владимир Квашинин (пос. Саранпауль ХМАО-Югры)

***

Может, Русь и верстою не меряна,
И Всевышний незримо далёк,
Но у Бога и мышь не потеряна –
Всех согреет Его огонёк...
Нам бы только почаще беседовать,
Сердцем знаки Его понимать,
Чтить родителей, совести следовать –
Вот и будет в душе благодать...

А ведь к маме всегда, как на праздники.
Бездорожье? Так это ж домой!
Что нам грязь-то на танке – УАЗике!
Вот за горочку и... Боже мой...

Ни детей, ни собаки, ни курицы,
Ни души... Может, где разбрелись?..
Окна выбиты, избы сугулятся,
Эй, славяне!.. Народ!.. Отзовись!..
Только ветер, напившись просторами,
Хлопнет ставней да, как от стрельбы,
Из деревни «бегут» мародёрами,
Спотыкаясь, кривые столбы.
А крапивы – как сроду не кошена,
Лебеда, та и вовсе – стеной...
Всё расхристано, вырвано, брошено,
Словно немец добрался войной.

И тут вижу я – женщина старая.
Руку – лодочкой, палку – к груди:
– Вовка, ты ль!? Ну, да как не узнала я!

Ох, и вымахал!.. К мамке, поди?
Ой, сынок, мы же Дарью-то, сватьюшку,
В прошлом годе, как раз на Покров,
Схоронили. А что же ты матушку
Проводить не приехал-то, Вов?
Все-то заняты, всё где-то свищете...
Что стоишь-то, ужо, заходи...
Ни звонка, ни письма не напишете,
Вот для этого вас и роди...

Я зашёл. Под иконами в рамочке
Фотографии. Тихо. Тепло.
На комодке по мужьей тальяночке
Тащит кот стрекозу за крыло.
Пахнет ладаном в доме и старостью.
Посадила за стол у окна
И святою крестьянской усталостью
Просветила до самого дна...

– Что молчишь-то, касатик, рассказывай,
Как живётся, детишки, дела?
Аль как мы – ремешочек подвязывай?
Или вдел Горбунку удила?
А деревня спилась и повымерла...
Только вроде поднялись с колен,
Тут нам эту холеру и вымело
Ветрюганом дурных перемен.
Всё порушили: фермы, коровники,
Столько техники! – Всю по себе.
Нам за ваучер – ржавы подойники
Да по связке прищепок к губе.
Чем хвалиться? – Кресты да развалины,
Вместо ржи – сосняки за межой...
При царях всех кормили, при Сталине,
При бровастом тянули вожжой,
А сегодня... как жжёные гвоздики
Догниваем... А где же твой внук?
Что за русский без маленькой родинки?
Без неё и большая – лишь звук.
С детства надоть... А ты не с Парижу ли?
Шипром пахнешь, а как разодет!
Если корни с землёй отчекрыжили,
Что приехал-то? Радости нет?

Я сидел ошалелый, раздавленный.
Что сказать? Что служу звонарём?
Спросит: «Где же ты совесть, мой праведный,
Обронил, что не сыщешь с огнём?
Спрятал душу свою за иконами
И плевать с колокольни своей,
Что ворьё, прикрываясь законами,
Отдирает народ от корней?

Это же с твоего равнодушия
Мать-деревня твоя умерла...»
Так о чём же названивал в души я?!..
Нет, родная, при мне та игла!
Так кольнула, что силы покинули.
Мне б – ей руки с колен целовать,
А сидел, будто сердце мне вынули,
Камень сунув – троим не поднять.

А назавтра сходили на кладбище...
Гладил крест, долго плакал навзрыд.
И свечу, и молитву... А камище
Так с тех пор на душе и лежит.

Звал: «Баб Мань, а со мной бы поехала...»
– Нет, Володюшка, я уж с котом...
И, пока видел в заднее зеркало,
Осеняла Россию крестом.

Павел Сысоев (г. Петрозаводск)

КРАЙ ЗЕМЛИ

Многоликая палитра есть у северного края:
Там с востока Белым морем подпирается земля,
Над хребтами волн холодных тяжесть неба там такая,
Что сольются в море с небом очертанья корабля.

Рыбаки в безбрежной дали гнут натруженные спины,
И солёное дыханье от скалистых островов,
Там привет приносят птицы мелодичным стройным клином,
Там тоску приносят волны от полярных берегов.

Север дует через тундру, над болотом завывает,
И саамские напевы в вихре ветреном слышны,
Над морозным спящим лесом мгла кострами расцветает,
И по веткам бродит холод эхом лопнувшей струны.

Там над сказочным простором ввысь стремится Нуорунен,
И бежит по быстрым рекам водопадов громкий вздох,
На стволах корявых сосен вековые вьются руны,
Седовласые олени приминают белый мох.

Там озёра, что прозрачны и огромны, словно море,
Острова, как великанов древних каменные лбы,
И мотают волны лодку, словно щепку, на просторе,
И грохочут над шептаньем человеческой мольбы.

Лес осенний дарит сырость и грибной особый запах,
И жемчужный кварц по горкам собирают глухари,
И легко струится солнце на еловых сонных лапах

И забудется в прохладе снов малиновой зари.

Заповедная, с загадкой – есть ещё земля такая,
Где нетронутую сказку ты совсем легко найдёшь,
Многоликая палитра у того чудного края –
Не отнимешь свою душу, глаз своих не оторвёшь.